

И.Шишкин. Рожь. 1878

ожидания и потребления урожая) окружены самым большим количеством примет, обрядов, поверий и т.д. Урожай ржи – основа достатка и, в случае недорода более капризных зерновых (например, пшеницы), единственная надежда на выживание. По В.И.Далю, именно рожь чаще всего получает название «жито», и в словаре Даля это слово трактуется как родственное не только «жать», но и «жить». Да и сама лексема «рожь» у Даля предположительно возводится к «родить».

Лён как культура, первостепенно важная для хозяйственной сферы женщин (изготовление и отбеливание холста, шитьё), также может быть отнесён к ритуальным приоритетам. Подобно «намоленной» иконе, ржаное или льняное поле становится полем энергетическим, «мифологически отмеченным пространством» (словарь «Славянские древности»). Конечно, любые аграрные работы немислимы без обрядовой составляющей, но обряды и поверья, связанные с рожью и льном, наиболее многочисленны и, так сказать, статусны (вспомним знаменитую «Рожь» И.И.Шишкина). Именно это сакральное, «отмеченное» пространство («рожь» и отчасти «лён») и становится антитезой страшных, иномирных мест, таких

как лес, болото. А между ними, как и положено в мифологическом пространстве, находится «дорога». Они и составляют образ пространства в поэме «Коробейники».

Мечты Катеринушки о замужестве связаны с рожью и льном. «В Юрьев день молодича покрывала полотном всходы ржи, во время первой после замужества жатвы – первый сжатый сноп. Потом, подойдя к свекрови, молодуха кланялась ей, просила благословить и принять от неё подарок – полотно или платок со снопа» («Славянские древности»). В этом смысле далеко не случайно, что именно во время расстилания льна героиня Некрасова думает о будущих взаимоотношениях со свекровью. Льняное семя использовали как оберег на свадьбе, девушки на выданье демонстрировали возможному жениху и его родне своё умение обрабатывать лён. И, конечно, лён, особенно превращённый в полотно, которое тоже надо расстилать и отбеливать, – мощнейший оберег, символ дороги, жизненного пути, а порой – даже спасения, возвращения «с того света». Катя у Некрасова «стелет лён, а неотвязная дума на сердце лежит». Но опасаясь измены и мысленно заклиная своего суженого вернуться к ней, она не предполагала в своих

неосознанных обрядовых действиях значения льна как оберега от лихой встречи на дороге, внезапной смерти. Таким образом, послужив защитой от дороги-разлучницы, лён не стал защитой от гибели жениха.

У Льва Толстого в «Войне и мире» Наташа Ростова во время сборов семьи, покидающей перед приходом Наполеона Москву, находит своё платье, в котором она танцевала с Андреем Болконским, и задумывается, как говорит автор, «совсем не о том, что бы должно было занимать её теперь». В этот момент перед домом Ростовых оказывается «поезд раненых» и, как следствие готовности Ростовых приютить раненых в доме, создаются условия для новой встречи Наташи и Болконского. Таким образом, платье, полотно (хоть и не льняное) в «Войне и мире» тоже служит талисманом, способствующим встрече девушки с женихом «на этом свете», но не предотвращает вечной разлуки – смерти. При этом и у Толстого, и у Некрасова на уровне персонажей акцентируется «дума девичья заветная» о любви и замужестве, в то время как на сюжетном уровне любовная линия прерывается смертью. Вопрос о том, вкладывают ли оба автора в рассмотренную сюжетную модель обвинение девушки в эгоистических устремлениях (помыслы о замужестве, а не о сохранении жизни возлюбленного), представляется нам открытым, хотя, на наш взгляд, у Некрасова вся дальнейшая внутренняя речь героини представлена ради свидетельства её самоотверженной любви («Николи не согрублю...», «Я за милого с охотою буду пашенку пахать», «Накормлю и уложу» и т.д.).

Расстилание льна, кроме того, служит знаком любовного соединения. «Брать лён нужно непременно с милым, откуда бранье льна – близость любовников друг к другу и самая любовь... Бранье лёну противопоставляется разлуке», – пишет А.А.Потебня³. У него же приводит-